

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ДОКАЗАТЕЛЬСТВО»
В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

© 2017

В.А. Лазарева, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)*

Ключевые слова: доказательство; доказывание; допустимость доказательств; состязательность; презумпция невиновности; доказательства стороны защиты.

Аннотация: В статье рассмотрено понятие «доказательство» в состязательном уголовном процессе. Автор обосновывает необходимость пересмотра требований к доказательствам, представленным стороной защиты, и раскрывает понятие процессуальной формы в свете принципа презумпции невиновности.

Понятия «доказывание» и «доказательство» продолжают оставаться в центре научных дискуссий [1, с. 248; 2; 3, с. 15]. Об этом свидетельствует количество посвященных им публикаций и защищенных диссертаций. В большинстве своем авторы работ, несмотря на некоторую разность теоретических воззрений, исходят из традиционных представлений о доказывании и доказательствах, основанных на гносеологическом подходе и учении об истине [4, с. 19–20; 5, с. 37–48]. Истина провозглашается целью доказывания, а поскольку доказывание осуществляется следователем, дознавателем, прокурором и судом, то цель деятельности суда в конечном итоге совпадает с целью деятельности субъектов обвинительной власти. Эта цель состоит в том, чтобы доказать виновность лица в совершении преступления, и для того, чтобы увидеть это, достаточно сопоставить положения ст. 85 и 73 УПК РФ: доказывание состоит в установлении указанных в ст. 73 обстоятельств, главным из которых является событие преступления и виновность лица, его совершившего.

Вполне очевидно, что такое представление о роли суда в уголовном процессе не соответствует ни независимости судебной власти как самостоятельной ветви государственной власти, ни состязательности как принципу уголовного судопроизводства, провозглашенному Конституцией РФ (ст. 123) и закрепленному Уголовно-процессуальным кодексом РФ (ст. 15). Состязательность возможна лишь там и тогда, где и когда существует судебная власть, независимая от других властей и в первую очередь от тех государственных структур, на которые возложены обвинительные функции. Общая цель уголовно-процессуальной деятельности органов уголовного преследования и суда при свойственном состязательному процессу разделении их процессуальных функций невозможна, поскольку функция не только отражает роль и назначение участника уголовного судопроизводства, но и характеризует направление его деятельности [6, с. 188; 7, с. 77]. Имея целью достижение истины, то есть установление указанных в ст. 73 обстоятельств совершения преступления, суд имеет и общее с органами уголовного преследования направление деятельности. Однако процесс, в котором суд имеет общие с одной из сторон цель и направление деятельности, состязательным не является.

Нельзя отрицать, что учение об истине как общей цели уголовного судопроизводства обладает огромной притягательностью, истина облагораживает уголовный процесс и привычно олицетворяет собой идею его справедливости. Поэтому она имеет крепкие корни не только идеологического, но и нравственного происхождения. Отказаться от цели достижения истины в уголовном процессе можно только предложив общественному и профессиональному правосознанию равноценную замену и, как представляется, такую роль способна принять на себя состязательность. Означающая равные

для обеих сторон возможности добиваться признания своей правоты, состязательность уголовного судопроизводства не в меньшей степени, чем истина, служит идее справедливости: достигаемый в уголовном процессе результат воспринимается как справедливый, если сторонам в равной мере была обеспечена возможность влиять на судебное решение, а естественное для уголовного судопроизводства в силу его публичности неравенство сторон обвинения и защиты преодолевалось адекватными компенсациями.

Сегодня не принято открыто отвергать и опровергать состязательность как принцип уголовного процесса, однако утверждения о том, что в российском УПК отчетливо прослеживается желание законодателя «**гипертрофировать состязательность**» [4, с. 23] уголовного процесса, в котором лишь «судебное производство осуществляется в последовательно состязательной форме» [8, с. 14], а предварительное расследование включает «отдельные элементы состязательности», встречаются достаточно часто. В подобных суждениях, хотя и в скрытой форме, отражается фактическое отрицание состязательности как формы уголовного судопроизводства в целом. Отчетливее всего это проявляется во взглядах на понятие «доказательство».

Наиболее распространенным является представление о доказательстве как о единстве содержания и формы. При этом под содержанием чаще всего понимаются сведения о подлежащих доказыванию обстоятельствах, а под формой – показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, заключения эксперта, вещественные доказательства, протоколы и иные документы, то есть перечисленные в части 2 ст. 74 УПК РФ виды доказательств. Спорить против того, что любое явление имеет не только содержание, но и форму, в силу очевидности этого постулата, бессмысленно, корень проблемы, однако, заключается в том, как именно понимается форма доказательств.

Синтезируя ч. 1 и 2 ст. 74 УПК РФ, С.А. Шейфер определяет доказательства как «сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, полученные законным способом и облеченные в надлежащую процессуальную форму», или как «показания, заключения и т. д., содержащие полученные законным способом сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию» [9, с. 15]. Ключевым словом, связанным с формой доказательств, здесь, как видим, является законность способа получения сведений об имеющих значение для дела обстоятельствах. Информация становится доказательством лишь «будучи выявленной, преобразованной субъектом доказывания и облеченной им в требуемую законом процессуальную форму» [9, с. 14]. Аналогичным образом определяют понятие доказательства и другие авторы: «доказательство по уголовному делу выступает в единстве своего содержания (сведений) и процессуальной формы *получения* (курсив мой. – В.А.) и фиксации этих

сведений» [7, с. 227]. Еще более четко эту мысль выразил В.С. Балакшин: «Доказательство» в уголовном процессе следует рассматривать как единство не двух, а трех основных элементов: 1) сведений о фактах, 2) источников сведений о фактах, 3) *способов и порядка собирания и проверки сведений* (курсив мой. – В.А.) о фактах и их источников» [10, с. 33]. Таким образом, процедура собирания и закрепления (а по Балакшину, даже проверки) доказательств выступает как составная и неотъемлемая часть формы доказательства, а следовательно и самого доказательства в целом.

Неверность такого взгляда на форму доказательства заключается, по нашему мнению, в умышленном смешении самостоятельных явлений – доказательств и способов собирания (получения) доказательства, каждое из которых имеет собственное содержание и форму. Безусловное наличие связи между процессуальной деятельностью и доказательствами не дает оснований для их отождествления. Однако главная причина, позволяющая считать эти взгляды ошибочными, состоит в их несоответствии современной модели уголовного судопроизводства России, в основе которой – концепт состязательности. Поясним сказанное.

Собирание доказательств в соответствии со ст. 86 УПК РФ осуществляется дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий. Основным способом собирания доказательств, как давно и хорошо известно [11, с. 383], являются следственные действия, процедура которых имеет детальную правовую регламентацию, призванную обеспечить адекватное отражение в материалах дела результатов познавательной деятельности субъектов уголовного процесса, гарантировать права участников следственного действия. В связи с этим указание на законность способа получения сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, в формулировку понятия доказательства означает, что доказательствами по уголовному могут выступать только сведения, полученные органами предварительного расследования и/или судом. Противостоящая обвинению сторона защиты, не наделенная полномочиями по производству следственных действий, не имеет возможности собирать доказательства и, следовательно, участвовать в равноправном, то есть справедливом состязании со стороны обвинения. Результатом этого является не только односторонность исследования обстоятельств дела в стадии предварительного расследования, но и необъективность их оценки судом.

Для получения всестороннего представления об обстоятельствах дела суду должна быть предоставлена возможность исследовать доказательства, представленные обеими сторонами. Как бы ни старался суд проявлять беспристрастность, его решение не может рассматриваться как объективное, если объектом исследования в суде были доказательства, представленные лишь или преимущественно одной стороной. Предоставление второй стороне права участвовать в исследовании обвинительных доказательств и высказывать суду свою оценку их достоверности, допустимости и достаточности позволяет создавать лишь видимость состязательности и объективности рассмотрения уголовного дела, в действительности же никакой состязательности не происходит: стороны не равны, вследствие чего и суд необъективен.

Построение российского уголовного процесса, имеющего досудебную часть в виде предварительного расследования, все полномочия по производству и распоряжению которым принадлежат органам уголовного преследования, закономерным образом обуславливает такое положение дел, при котором практически все доказательства, исследуемые судом, собраны следователем (дознавателем). Поэтому провозгласив наш уголовный процесс состязательным, законодатель предпринял по-

пытку обеспечить равноправие сторон в собирании доказательств. Согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник вправе собирать доказательства путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии. Однако теоретики уголовного процесса восприняли это нововведение, в основном, критически, считая, что сведения, полученные названными в ст. 86 УПК способами, доказательствами не являются [12, с. 114–115; 13, с. 33–34; 14, с. 47].

Аргументы противников идеи о собирании защитником доказательств не отличаются ни разнообразием, ни новизной. «Документы, предметы, сведения, полученные защитником в результате опроса лиц, не отвечают такому обязательному свойству доказательства как допустимость, так как они не получены и не закреплены в процессуальном порядке и в процессуальной форме» [7, с. 254]. Поэтому «защитник, не имея властных полномочий, которыми располагает следователь, может лишь представить ему полученные доказательствами материалы (справки, характеристики, записи бесед с гражданами, мнения специалистов и т. п.) с ходатайством о приобщении их к делу или о допросе нужных лиц» [13, с. 33]. Подобное отношение к результатам деятельности адвоката-защитника высказывалось и ранее, задолго до того, как Конституция РФ закрепила состязательность в качестве основного вектора судебной реформы. «Материалы, полученные защитником, становятся доказательствами лишь после их приобщения к делу и обычно должны быть проверены путем проведения следователем или судом соответствующего процессуального действия – допроса свидетеля, назначения экспертизы, осмотра местности или помещения» [15, с. 60], – еще в 1982 году писал Ю.И. Стецовский.

Итак, представляемые защитником материалы не считаются доказательствами, так как не отвечают свойству допустимости. Аргумент достаточно серьезный: «недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 Уголовно-процессуального кодекса (ст. 75 УПК РФ). Однако и эти положения закона не дают, как представляется, основания отождествлять доказательства с процедурой их получения, что неизбежно при рассмотрении процедуры получения доказательства в качестве его формы.

Приведем в качестве аргументов ряд правовых положений.

1. «Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего кодекса, являются недопустимыми» (ч. 1 ст. 75 УПК РФ).

2. «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела» (ч. 1 ст. 88).

3. «Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы» (ч. 2 ст. 17).

В своем единстве эти установленные законом правила говорят о том, что вывод о допустимости доказательства есть **результат его оценки**, ни одно доказательство априори не является и не может считаться относимым, допустимым или достоверным. Естественно, оценка доказательств, как мыслительный процесс, сопровождает каждый шаг следователя, совершаемый им при производстве того или иного следственного действия. Такая оценка является необходимым условием отбора получаемой следователем информации, однако она носит лишь **предварительный** характер, главным образом потому, что в момент получения доказательства следователь не рас-

полагает всей информацией, способной повлиять на выводы об относимости и достоверности доказательства. Что же касается допустимости доказательства, зависящей от соблюдения самим следователем требований уголовного-процессуального закона, то он, то есть следователь, не может рассматриваться в качестве надлежащего субъекта её оценки в силу своей пристрастности, а рассмотрение этого вопроса судом требует привлечения и соответственно оценки других доказательств, совокупность которых и позволяет установить или опровергнуть факт нарушения закона при получении следователем доказательства.

Таким образом, приведенные правовые положения приводят к выводам:

1) допустимость доказательства является точно таким же критерием его оценки, как относимость и достоверность;

2) для оценки относимости и достоверности, требуется сопоставить его с другими доказательствами, а следовательно,

3) допустимость не является имманентным свойством доказательства. Иначе говоря, уголовно-процессуальный закон различает понятия «доказательство» и «допустимое доказательство». Формулировка части 2 ст. 74 УПК РФ, согласно которой в качестве доказательств допускаются показания свидетелей, потерпевших, обвиняемых и подозреваемых, заключения и показания эксперта и специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных действий и иные документы, не дает оснований для утверждения о том, что перечисленные виды доказательств заведомо допустимы. Закон лишь говорит о том, что только эти виды доказательств могут быть использованы для доказывания обвинения, но вопрос о том, соответствует ли закону процедура получения каждого из них, относится к исключительной прерогативе суда. Поэтому суждение о том, что «относимость и допустимость – необходимые и достаточные свойства сведений, при наличии которых они обретают статус доказательств» [14, с. 115–116], не только по существу, но и методологически неверно, особенно если учитывать, что «проявлением этого статуса служит фиксация такого рода сведений в тех или иных процессуальных документах, содержащихся в материалах дела» [14, с. 116]. Получается, что любое доказательство, полученное следователем и облеченное в предусмотренную частью 2 ст. 74 УПК форму, уже допустимо, но это и означает, что понятия «допустимое доказательство» и «доказательство» фактически тождественны, допустимость обвинительных доказательств презюмируется, выводится за рамки оценки доказательств.

Подобные взгляды и есть (скрытое) отрицание состязательности, существующее на подсознательном уровне и отражающее представления об уголовном процессе как направленной к общей цели деятельности следователя, прокурора и суда. Включение допустимости в понятие доказательства в качестве его неотъемлемого свойства создает заведомые преимущества доказательствам обвинения, ибо только они могут обладать допустимостью в рассмотренном выше значении. В соответствии с этим в теории утверждается, что предусмотренное частью 3 ст. 86 УПК РФ право защитника собирать доказательства носит декларативный характер, а предметы и документы, представленные в качестве доказательств стороной защиты, не признаются допустимыми потому, что «получены без соблюдения надлежащей процессуальной процедуры» [9, с. 16; 16, с. 59–65]. «Трансформация предметов и документов в доказательства, то есть обретение ими свойства допустимости, зависит от решения должностного лица (дознателя, следователя, прокурора) или органа (суда)» [14, с. 139–140].

Совершенно очевидно, что такая позиция плохо согласуется как с состязательностью уголовного судопроиз-

водства, так и с закрепленным в ряде статей УПК правом подозреваемого, обвиняемого, защитника собирать и представлять доказательства, ни с принципом свободной оценки доказательств. Доказательства обвинения при-дается заведомая юридическая сила допустимых доказательств до их оценки [14, с. 118], тогда как сведения, представленные стороной защиты, обретают свойство допустимости, а значит, трансформируются в доказательства, после оценки, ибо, как полагает С.А. Шейфер, «именно после закрепления информации создается возможность определить её относимость (по содержанию) и допустимость по способу получения и надлежащей фиксации), то есть признать её доказательством» [16, с. 62].

Ошибочность таких представлений, на наш взгляд, заключается и в игнорировании положений уголовно-процессуального закона, следующих из взаимосвязанных принципов состязательности уголовного судопроизводства и презумпции невиновности. Допустимость сведений, представленных защитой, не может оцениваться с тех же позиций, что допустимость доказательств, собираемых органами уголовного преследования. Защитник не наделен правом производить следственные действия, на него не возложена обязанность доказывания достоверности своих утверждений, следовательно, к нему не может быть предъявлено требование о соблюдении процессуальной формы при получении сведений, представляемых им в качестве доказательств. В то же время, субъекты, осуществляющие в уголовном процессе уголовное преследование от имени государства, обязаны доказать как обвинение, так и законность своих действий по собиранию тех доказательств, которыми это обвинение обосновывается. Именно поэтому для доказывания обвинения закон допускает только те сведения, которые получены в соответствии с требованиями УПК. Обязанность независимого от обвинения суда удостовериться в допустимости этих доказательств обуславливает обязанность государственного обвинителя доказать, что доказательства были получены законным путем. Этой цели и служит сложная процессуальная форма собирания и закрепления доказательств, неправомерно используемая теорией для отрицания доказательственной ценности предметов и документов, представляемых стороной защиты.

Презумпция допустимости лишь доказательств, полученных органами предварительного расследования, теоретически и идеологически оправданная в предшествующий период исторического развития, не совместима с принципами уголовного процесса новой России. В состязательном уголовном процессе нет и не может быть доказательств, обладающих заранее установленной силой (ч. 2 ст. 17 УПК РФ), поэтому любая попытка придать такую силу результатам следственных действий нарушает баланс процессуальных возможностей сторон и отбрасывает нас далеко назад, в инквизиционное прошлое.

Вытекающие из приведенных аргументов выводы очевидны. Привычные представления о доказательствах сохраняют свое значение при рассмотрении уголовного процесса лишь как формы уголовного преследования. Однако поскольку уголовный процесс имеет и другую сторону, позволяющую считать его формой осуществления правосудия, то есть собственно, уголовным судопроизводством, и поскольку в России принята состязательная модель судопроизводства, теоретическая конструкция понятия «доказательство» должна быть приведена в соответствие с его нормативным выражением.

Закон различает доказательства, которые собирают и представляют стороны (ст. 42, 44, 46, 47, 53, 54, 86, 245 и др.), проверяет и оценивает суд (ст. 87, 88, 240), и доказательства, на основе которых принимается судебное решение. Такое различие соответствует общепринятым представлениям о двух уровнях процесса доказывания – практическом и логическом. В соответствии со ст. 74

УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном законом порядке устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Эти сведения могут быть получены любым из предусмотренных в УПК способом, причем не только субъектами уголовного преследования, но и субъектами защиты. Разность способов соби­рания этих сведений сторонами, обусловленная возло­жением на одну из сторон бремени доказывания, в свою очередь, диктует и разность требований, предъявляемых законодателем к тому, что мы называем процессуальной формой, однако доказательством, лежащим в основа­ние судебного решения, всегда являются собственные знания судьи, приобретенные в процессе исследования доказательств, представленных сторонами.

В силу требования непосредственности (ст. 240 УПК) суд обязан лично допросить свидетелей, потерпевших, обвиняемых, осмотреть вещественные доказательства, местности и помещения, произвести следственный эксперимент, опознание, освидетельствование, назна­чить экспертизу и допросить эксперта и специалиста, поскольку только таким путем может быть обеспечена независимость и объективность судейского восприятия и оценки доказательственной информации, то есть сво­бода внутреннего убеждения. Приговор суда не может быть основан на неисследованных им доказательствах, и ни одно доказательство для суда не имеет заранее уста­новленной силы, в том числе и силы допустимого до­казательства, ни одно доказательство не имеет преимущ­еств перед другими. Сведения, полученные судьей из источников, на которые указывают стороны, подверга­ются анализу и синтезу, осмыслению и обобщению. Пере­работанные его сознанием, эти сведения и становятся основанием судейского решения, то есть трансформиру­ются в собственно судебные доказательства.

Изложенное не следует толковать как отрицание про­цессуальной формы получения и закрепления доказа­тельной информации органами предварительного рас­следования, поскольку эффективность доказывания обвинения находится в прямой зависимости от его закон­ности. Требуется безусловного соблюдения процессуаль­ной формы и деятельность по получению и закреплению доказательственной информации, осуществляемая судь­ей. Однако, только разграничив понятия «доказатель­ство» как объект практической деятельности субъектов уголовного процесса, и «доказательство» как установ­ленный судом в результате проверки и оценки представ­ленных ему сведений факт, мы обеспечиваем равенство сторон в соби­рании и представлении доказательств, сво­боду, то есть независимость от формальных критериев оценки доказательств судьей, а значит состязательность, то есть справедливость уголовного судопроизводства.

Резюмируя изложенное, подведем краткие итоги:

1) сложившееся в предшествующий исторический период представление о доказательствах только как о сведениях, облеченных в предусмотренную законом форму, неизбежно ведет к отрицанию доказательствен­ного значения сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела, представленных стороной защиты, нарушает равноправие сторон и состязательность уго­ловного судопроизводства, ограничивает независимость судебной власти и свободу оценки доказательств;

2) эти представления о доказательствах не соответству­ют не только духу, но и букве уголовно-процессуально­го закона. УПК РФ различает доказательства как любые сведения, собираемые сторонами для представления суду в целях обоснования или опровержения обвине­ния, подлежащие всесторонней проверке и объективной

оценке в соответствии с требованиями и критериями, установленными ст. 87, 88 УПК РФ, и доказательства как проверенные и оцененные судом достоверные сведения, являющиеся основанием судебного решения;

3) пора, наконец, признать, что представляемые сто­ронами доказательства обладают для суда равным зна­чением, что доказательства обвинения не имеют перед доказательствами защиты никаких преимуществ, обу­словленных процессуальной формой их соби­рания и за­крепления;

4) соблюдение процессуальной формы при соби­рании обвинителем доказательств – не основание для вы­вода о преимуществе этих доказательств, а составная часть вытекающего из презумпции невиновности бре­мени доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту обвиняемого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальное право Российской Федера­ции / под ред. И.Л. Петрухина. М.: Проспект, 2006. 688 с.
2. Мурадян Э.М. Истина как проблема судебного пра­ва. М.: Юрист, 2002. 312 с.
3. Соловьев А.Б. Доказывание по уголовно-процессу­альному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии). М.: Юрлитинформ, 2003. 264 с.
4. Азаров В.А., Ревенко Н.И., Куземаева М.М. Функ­ция предварительного расследования в истории, те­ории и практике уголовного процесса России. Омск: ОмГУ, 2006. 560 с.
5. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уго­ловным делам: проблемы теории и правового регули­рования. М.: Норма, 2008. 240 с.
6. Строгович М.С. Курс советского уголовного процес­са. Т. 1. М.: Наука, 1968. 468 с.
7. Уголовно-процессуальное право Российской Феде­рации / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юрист, 2004. 1072 с.
8. Шейфер С.А., Тарасов А.А. Требуют ли принцип со­стязательности и положения ч. 3 ст. 86 УПК создания новой теории доказательств? // Актуальные пробле­мы современного уголовного процесса: Российский Межвузовский сборник научных статей. Самара: Са­марский университет, 2007. Вып. 2. С. 14–22.
9. Шейфер С.А. Понятие доказательства: спорные во­просы теории // Государство и право. 2008. № 3. С. 12–21.
10. Балакишин В.С. Доказательства в теории и практике уголовного-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации) : ав­тореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 533 с.
11. Теория доказательств в советском уголовном процес­се / отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 735 с.
12. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уго­ловного процесса в России. Ч. 1. М.: ТК Велби, 2004. 220 с.
13. Шейфер С.А. Куда движется российское уголовное судопроизводство? (размышления по поводу векто­ров развития уголовно- процессуального законода­тельства) // Государство и право. 2007. № 1. С. 28–37.
14. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по дока­зыванию в уголовном процессе. М.: Проспект, 2006. 189 с.
15. Стецовский Ю.И. Уголовно-процессуальная деятель­ность защитника. М.: Юрид. лит., 1982. 174 с.
16. Шейфер С.А. Роль защиты в формировании доказа­тельной базы по уголовному делу // Государство и право. 2006. № 7. С. 59–65.

**THE TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF “EVIDENCE”
IN ADVERSARIAL CRIMINAL PROCESS**

© 2017

V.A. Lazareva, Doctoral degree in law, professor,
head of Department of Criminal Procedure and Forensic Science
Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: proof; evidence; admissibility of the proofs; adversarial; presumption of innocence; evidence submitted by the defense.

Abstract: In the article the concept of “evidence” in adversarial criminal process. The author substantiates the need to review the requirements to evidence submitted by the defense and explains the idea of procedural forms in the light of the principle of the presumption of innocence.